

ІНФОРМАЦІЙНА ВЗАЄМОДІЯ В КОНТЕКСТІ ЛОГІКИ ПРОЦЕСІВ СОЦІОГЕНЕЗУ

У статті проаналізовано соціальний контекст та характер інформаційної взаємодії. Встановлено, що соціальні детермінації інформаційних відносин створюються логікою зміни комплексу зовнішніх і внутрішніх процесів, зокрема соціокультурних трансформацій. На основі дослідження виділено та розглянуто взаємодію між логікою процесів соціогенезу і розвитком інформаційних відносин, більш-менш відкритими і закритими соціокультурними системами, більш-менш агресивною та консервативною їх поведінкою, перенапруженням і циклами трансформації, а також економічної та соціокультурної організаціями інформаційних відносин і різними видами управління. Вивчення складних процесів постмодернізації соціокультурних відносин дало можливість створення перспективних моделей розвитку соціального управління і створення пропозицій з корегування соціальних та економічних реформ.

Ключові слова: соціогенез, інформація, інформаційна взаємодія.

Народы становятся чистыми объектами истории ...
именно тогда, когда они объявляют,
что наконец стали ее субъектами.
Или точнее, когда им это объявляют.
Самые совершенные формы рабства
создаются, конечно, революциями.
М. Алданов «Заговор»

Динамика сложных вопросов национальной безопасности на фоне существенных трансформаций глобального масштаба нашла отражение в капитальных трудах теоретиков и практиков международного уровня. Известны идеи и размышления на этот счет таких титанических фигур прошлого, как О. Бисмарк, С. Витте, В. Голицын, П. Столыпин и др. Выдающимися представителями различных научных школ: Н. Бердяевым, Л. Гумилевым, Н. Данилевским, И. Валлерстайном, А. Зиновьевым, И. Кантом, К. Леонтьевым, А. Лосевым, К. Марксом, Н. Моисеевым, Р. Нисбетом, П. Сорокиным, А. Дж. Тойнби, Ю. Хабермасом, С. Хантингтоном, А. Хомяковым, А. Чижевским, О. Шпенглером, А. Этциони и др. – активному исследованию были подвергнуты объективные основы социодинамики, изучено соотношение общих закономерностей и отличительных особенностей реализации логики социогенеза применительно к разным культурно-историческим мирам и эпохам,

выявлены возможности осуществления эффективных социетальных воздействий на нее, вскрыт диапазон перспектив при осуществлении взаимодействия. Р. Абдеев, А. Аверьянов, Н.Дж. Адлер, А. Ахизер, А. Ачлей, И. Барыгин, Д. Белл, В. Буданова, П. Дж. Бьюкенен, В. Вазюлин, М. Вайнер, В. Василькова, М. Гефтер, А. Денисов, А. Дугин, В. Зарин, А. Зарубин, Э. Ермилов, Ю. Ефимов, В. Иноземцев, М. Каган, В. Кантор, В. Келле, А. Кива, В. Кизима, К. Кумар, Дж. Курт, Д. Мак Клелланд, Н. Моисеев, К. Момджян, Н. Оконская, Ю. Осипов, А. Панарин, Н. Полякова, Л. Рейснер, Л. Репина, Н. Симония, Ю. Соколов, В. Степин, В. Триандафиллов, Г. Хакен, И. Черникова, С. Черняховский, В. Шамрай, Ю. Яковец, И. Яковлев, и др. сумели значительно углубить представления как о логике исторического процесса, методологии, системном познании, так и об особенностях взаимодействия культурно-цивилизационных миров. Особый анализ авторов часто был направлен на изучение особенностей активного взаимовлияния под воздействием вновь формирующихся на глобальном уровне тенденций.

Множественные интерпретации в сфере информационного обмена на базе работы И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» получили идеи развития и применения теории управляемого хаоса, которыми акцентируется отличие элементов систем социальных от естественных (наличие не только физических характеристик и свойств, но и таких качеств, как сознание, воля, воображение, интересы, потребности, способности и т. п.). Соответственно, трансформируются предпосылки случайности, возможности предвидения социальных процессов и, следовательно, эффективного влияния на них (прежде всего – путем создания политических условий общественной самоорганизации, которая и приводит к рождению нового социального порядка из хаоса кризисного состояния). Возник и термин «нетократия» (net – сеть) как отражение новой структурной упорядоченности общества, когда главная ценность – уже вовсе не сами материальные ресурсы, а информация и работа по ее хранению, передаче и обработке. При этом среди сетевых ресурсов все более заметную роль играют онлайн-социальные сети, осваивающие, наряду с функциями обеспечения общения, обмена мнениями и т.п., возможности получения информации, средств информационной конкуренции.

Отечественными научными школами было развито понимание как роли науки в обеспечении общественных и частных интересов в информационную эру, так и специфики интеллектуальной составляющей производительного труда, дана характеристика влияния

умственного труда как фактора повышения социально-экономической продуктивности (см. работы Л. Абалкина, С. Вакуленко, К. Вальтуха, Л. Крылова, Е. Либермана, И. Лукинова, С. Малинина, В. Медведева, А. Милукова, В. Мишина, В. Немчинова, В. Новожилова, И. Ройзмана, А. Румянцева, Р. Самар, М. Солодкова, С. Струмилинина, Б. Сухаревского, Л. Тыкоцкого, Т. Хачатурова, В. Черковца и др.), исследованы элементы материально-технической базы (прежде всего в трудах Л. Гатовского, Р. Ивановой, Б. Кедрова, Е. Капустина, В. Лебедева, Б. Злобина).

Результаты участия в конкуренции часто предопределяются самодисциплиной, готовностью работать на своем месте с предельной самоотдачей, на грани и за гранью возможного, а также командной слаженностью, согласованностью, когерентностью. При этом, разумеется, чем выше общественное положение человека, тем жестче требования к нему. Вместе с тем, серьезной общественной проблемой становится подмена «политикообразующих слоев», субъектов трансформаций как отдельного направления в осуществлении «покушения невидимыми средствами». И в первую очередь это касается представителей «станового хребта» общества – его среднего класса, а также управленческих (в политике – властных и оппозиционных, элитных и контрэлитных пластов. А отделение «социума власти» от всего общества и попытка тотального поглощения им выработки содержания определяющих решений становится препятствием для развертывания дееспособных механизмов свободы и ответственности каждого. Маргинализация же общества, размывание примет среднего (и «нового среднего») класса и элиты становятся угрожающими развитию тенденциями. В частности, понятие элиты связано не столько с «находящимися у власти» или «теми, кто борется за власть», сколько с «лучшими представителями народа», его наиболее достойными членами. Кризис среднего класса переживается сегодня в мировом масштабе, он также приобретает черты все большей неоднородности. В нем, наряду с «интеллектуальными тружениками» все заметнее влияние «интеллектуальных потребителей». Конечно, и офисные работники, и рантье предпочитают самоназвание «креативного класса», однако часто тяготеют к выбору потребителей благ (впрочем, не только материальных, но и духовных). Напротив, научно-интеллектуальный потенциал общества формируется, развивается и реализуется вокруг стержня ценностно-смысловых комплексов творчества. Таким образом, для части субъектов новой модернизации осмысленность жизни задается творчеством, созиданием, тогда как для другой –

потребительством, консьюмеризмом. И сегодня в борьбе общественно-экономических тенденций определяется, будет ли место среднего класса формальной серединой или же подлинным социальным клеем, несущей конструкцией общества. Восхождение ложных социальных образований, свойственное развитой форме общественного устройства потворствует разнообразию квазиявлений и псевдоявлений, переход субъектности к которым может неоправдимо изменить вектор движения. Тогда расплывается не только государство, но и ткань социальности, сама общественность. Соответственно, военные по настроению чужды милитаризму, юристы не в ладах с законом, буржуазия не верит в свое право собственности, судьи не убеждены в моральной справедливости наказания. В итоге многие позволяют себе иметь две модели восприятия и решения: на абстрактном и конкретном уровнях.

Таким образом, актуальной задачей остается синергетическая характеристика постсовременного информационного воздействия на процесс социогенеза. Рассмотрению соотношения закономерных и случайных, объективных и субъективных особенностей его и посвящен этот материал.

Как известно, обладание и обмен жизненно важной информацией является одним из важнейших факторов обеспечения безопасности и развития всякого социального образования (системы, бессистемной целостности), включенными в процессы, с одной стороны, формирования несущего культурного стержня цивилизации, ее ведущих ценностно-смысловых комплексов, с другой – социализации каждого. При этом «культуру можно рассматривать как «возделанную природу», включая и природу самого человека – субъекта культуры, способного воспринимать ее значение, творить ее и жить в создаваемой ею среде» [1, 23].

Более того, полнота, достоверность, своевременность и системность информационного обеспечения социальной ткани существования культурно-цивилизационного мира выступает фактором обеспечения ее комплексности, преодоления потенциальной инвалидности проблемных участков и отношений. «В отличие от различных попыток найти некий однородный культурный «субстрат» – предметный, или деятельностный, или человеческий, или духовный, или ценностный, или языковой и т.д., и т.п. – системный на нее взгляд представляет ее именно как многомерную, многоаспектную целостность, суть которой и определяется этой ее структурной сложностью, а структура – ее основными функциями» [2, 127].

За счет этого информационное взаимодействие может как наделять важным преимуществом, так и поддерживать формы отчуждения, что определяет и заинтересованность общества в его качестве, и его отнесение к кругу вопросов национальной безопасности. Для развития духовно-информационного влияния на логику социогенеза крайне важным является деление культуры на духовную и материальную, где духовное рассматривается как нематериальное. Кроме того, значение приобретает деление на культуру научную и художественную, а также научно-гуманитарную, в том числе обществоведческую, и научно-естественную, обладающие спецификами методологии и ресурсной базы. При этом художественная культура относится к духовной, а научная является интеллектуальной [1, 24-25]. И если «духовная культура зиждется не на знаниях, а на ценностях, в которых нуждается человек как общественное существо, она эстетически окрашена и пронизана нравственными оценками», то «в науке развитие идет за счет постановки и решения все новых проблем... В области духа, напротив, преобладают вечные проблемы, меняются лишь их интерпретации» [1, 29-30].

Интеллектуальная культура (и одно из ее высших воплощений – культура научная) сегодня – не просто феномен культуры. Именно реализация и развитие научно-интеллектуального потенциала становится по мере роста объема и значения информационного обмена мощнейшим фактором жизни общества, партнерства и конкуренции культурно-цивилизационных миров. А информационная конкуренция, в свою очередь, выступает определяющим результатом условием их диалога.

Стабилизирующая и придающая инновационные формы традиция роль ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров активно использует процессы социального мифотворчества. Так, распространенным был подход к рассмотрению процессов формирования, распространения и интерпретации сведений, по которому миф на заре истории заменяет познание, даруя иллюзорные представления (см., например, [3, 521]). С развитием практики (в том числе интеллектуальной) наука создает предпосылки для рационального освоения действительности. Однако вплоть до Нового времени, наполнение духовностью связывается преимущественно с религиозными практиками. Соотношение разума и веры, науки и культуры по-разному раскрывалось энциклопедистами, сторонники шотландской школы и классической немецкой философии. И. Кант, рассматривая нравственность как детерминанту человеческой деятельности, предельно четко выявил качественное различие

культуры интеллектуальной и духовной. В свою очередь, для Г. Гегеля все проявления духа – это лишь виды знания. Исследования же Л. фон Мизеса, Ф.А. фон Хайека, М. Вебера и К. Поппера дополнительно привлекли внимание к роли нравственности и традиций в истории. И при противопоставлении Г. Риккертом надисторической ценности индивидуализирующего метода «наук о культуре» принятым методам научного поиска, открывается перспектива внерациональных путей освоения мира.

Причем подмечено, что раскрытие природы социального мифа – не столько в объяснении при его помощи природы, сколько в «переносе в обобщенном виде на природу и весь космос чисто человеческих отношений в определенный период человеческой истории» [4, 458]. Так, у Ф.Х. Кессиди сущность «мифов не в объяснении, а в объективировании субъективного (коллективно-бессознательного) переживания и впечатления, при котором порождения фантазии, как результат этого объективирования, принимаются за подлинную реальность внешнего мира» [5, 44]. Соответственно, отстраненность в восприятии мифических интерпретаций и направленное их распространение (как индивидуальное, так и социальное) резко расширяет диапазон возможностей информационного манипулирования. «Однако логос не устранил мифа, а лишь ограничивал сферу его действия. Рациональное мышление и его продукты, возникнув, не смогли заменить мифа, и это свидетельствовало о том, что оба явления отвечали нуждам общества, удовлетворяли определенные жизненные потребности человека» [1, 25].

Но есть различия в восприятии и использовании разнокачественной информации из различных источников и каналов конкретными культурно-цивилизационными мирами, что влияет на характер и степень уязвимости. Существенно в этом контексте также, что более-менее открытые-закрытые социокультурные системы характеризуются разницей ритмов и колебаний, формируют различия в циклах. Более-менее открытые-закрытые социокультурные системы тяготеют к более-менее агрессивному- консервативному поведению (в том числе, в информационном взаимодействии). Соответственно, повышение агрессивности (моментов экспансии) ведет к повышению темпов старения системы, усиливает ее перенапряжение [6-8].

Процесс социогенеза переносил исторические акценты от модели социально-экономической системы, формирующей национальные государства, к социокультурной целостности, тяготеющей к децентрализованному объединению. Соответствующим образом

трансформується і історическа продуктивність соціальних образований, змінюється ефективність признаков откритих і закритих образований [9]. Культура створюється уже не для узкого верхушечного слоя общества, а для всех. В ней формуються можливість і множетва своїх локальних пространств, і самих різнообразних контактів і пересечений. Об'єктивується соціальна потреба в забороні на насильственне маніпулювання інноваціями навіть аутсайдерського типу, на руйнування навіть контркультурних логік: нова епоха створює культурні світи, де є місце всім. Творчість стає не тільки ідеально всеобщим, але і реально всеобщим фактором соціогенеза. При цьому забезпечується ресурсний потенціал діапазона більш гнучких і м'яких реакцій на наявність аномальних соціально-економічних явищ і периферійних культур. Закріплюються принципіально різноманітні структури. Багато ж соціальні тенденції все ще тільки формуються, інші важко розпізнати в морі старих закономірностей і уходящих фактів. А внутрішні цінності і глибоко індивідуальні значення, підходи і погляди численних невеликих груп можуть в цей момент набувати додаткове звучання на макроуровні общества, а то і агресивно нав'язуватися всім.

Розуміється, глобалізація інформації перетворює її в потужний фактор потенціального посилення соціального рівності. Однак можливість дозувати доступ до неї і трансформувати її сприйняття відбуваються часто передумовою обмеження, умовою панування і домінування. За рахунок цього, наприклад, можна, не заперечуючи самого факта, змінити враження від нього, кардинально трансформувати його оцінку. Безумовно, вже на фундаментальному рівні інформаційна нерівноцінність характеризує базисні для ринкових відносин контрагентів продавця і покупця-споживача. Однак закріплення нееквівалентності обміну і на рівні актуальному веде до розширенню національного багатства, перетеканню якості і кількості його до інших культурно-цивілізаційним світам. Особливості інформаційної ери мультипліцирують значення сучасної і якісної інформації, її сприйняття і обробки. Разом з тим, при динаміці суспільних форм обміну в процесі соціогенеза активно зміщуються і акценти в виділенні найбільш суттєвих потоків [10-13].

В епоху глобальної інформатизації і побудови інформаційного общества як одним з найважливіших признаков

создания государства, так и обязательным условием и характеристикой самого информационного общества становится единое информационное пространство. От того, насколько быстро и масштабно происходит его формирование, во многом зависит, в том числе, и состояние безопасности личности и общества. Современный процесс информатизации общества, связанный с развитием информационных технологий, резко увеличивает потоки социально-политической информации, циркулирующей в обществе, во многом изменяет ее качество. Впрочем, социальная информация, которая функционирует в обществе, всегда включает субъективные оценки, представления и восприятия [14].

С одной стороны, как известно, информационные технологии в настоящее время превращаются в основу экономической мощности государств и определяющий ресурс конкурентной борьбы. Диапазон применения информационных технологий расширяется, включая пространство от сферы электронной торговли и выдачи лицензий до ведения военных действий. Соответственно, расходы на информационные технологии увеличиваются во многих странах в 2-5 раз быстрее, чем растет валовой внутренний продукт. Даже экономическая значимость вещественных факторов часто определяется ценностью заложенной информации. Сегодня активно трансформируется как ценность умственного труда вообще, так и разнообразных видов работы с информацией в частности, включая распространение востребованности бизнес-разведки и деятельности в сфере PR/GR [15-19].

Вместе с тем информационные ресурсные возможности все активнее оказываются на переднем плане конкурентных стратегий, выступая средством не столько диалога, сколько противоборства. Соответственно, новую актуальность обретает общеизвестный барьер Питерса, суть которого именно в том, что развитие человека и прогресс технологий вообще не могут быть кардинально разнотемповыми без угрозы уничтожения человечества. Причем в настоящее время после этапов внетекстового, текста устного и письменного текста, газетного сообщения и телевидения в осуществлении информационных воздействий усиливается роль Интернета (открытое управление которым происходит, например, при распределении доменных имен высшего уровня (ICANN)), регулировании размещения информации и возможностей доступа к ней) [20-22].

Причем эта асимметричность воздействия информационного простора действует как на индивидуальном, так и на социальном

уровне, а особенностью т.н. информационной эры является ее все более активная роль в социетальном масштабе. Именно поэтому дискредитация технократических рецептов социального управления как нереалистичных, усиление в начале 70-х годов внимания к ценностным ориентациям столь убедительно продемонстрировали, что традиционные организационные подходы не соответствуют современной экономической и технологической структуре общества. Ныне неоконсервативные традиционные ценностные ориентации зачастую обновляются под знаком усиления мотивов социальной ответственности, умеренности, самоограничения, закрепление состояния социальной иерархии. Социал-демократы необходимость обновления ценностных ориентаций обуславливают так же, как и неоконсерваторы, исчерпанность традиционного понимания технического прогресса, социальной политики «государства благоденствия», экологическим кризисом и т.д. Однако, выход из этой ситуации сторонники демократического социализма видят скорее в создании условий ценностно-правового порядка, способствующих формированию зрелой личности, которая самостоятельно проявляла бы свою волю и принимала активное участие в реализации позитивного содержания определяющих ценностей на основе толерантного консенсуса. У неоконсерваторов поиск ценностных ориентаций осуществляется через апелляцию к традициям как воплощению выверенного историей опыта, а также к народным обычаям, в которых закрепляется «позитивный» и отклоняется «негативный» смысл. Вследствие такой направленности реактуализируется интерес к базовой культуре, прежде всего к ценностно-смысловым комплексам. Такое культурно значимое двуединство ценностно направленных и религиозно окрашенных контрверзальных отношений социал-демократов и неоконсерваторов выступает как теоретическая и практическая проблема, требующая исследования именно на социокультурной почве.

При этом чаще всего и наиболее успешно искривление информационного поля в меж- и внутрирегиональных обменах обеспечивается методами разоблачения, внушения, убеждения, интерпретации, дезинформации, манипуляции (в частности статистическими данными), компрометации (дискредитации), инсинуации, некорректного сравнения разноуровневых факторов (диспропорций масштаба), некорректных аналогий, расширения-сужения контекста, невербальной демонстрации симпатии-антипатии, подмены (смешения) объективного сообщения о событии с его комментарием, осмеяния противника. Повышение результативности

этих подходов происходит на базе использования и сознательной трансформации распространенных мифов и стереотипов восприятия, направленного применения лингвистических средств и предварительно подготовленных эффектов.

Существенно в этом контексте, что значимая социокультурная специфичность может быть присуща не только вещному, но и рефлексивному сознанию и иметь основу в подсознании (что, в частности повышает роль мифического уровня обеспечения информационных воздействий благодаря освещению содержания констант подсознания и возможностям трансформации мировосприятия). Вместе опора на ведущие системные символы позволяет не только закрепить информацию в подсознании человека, но и соответствующим образом окрасить ее [23-27].

В свою очередь это создает нужную установку, перестраивает под себя все другие сведения, и закрепляет нужным образом их интерпретацию. Таким образом, формируется «информационный якорь» и «информационная установка» восприятия и реакции. Соответственно, подчиняясь доминантной установке, человек сам встраивает в свое восприятие и свою жизнедеятельность необходимые фрагменты, домысливает то, чего не достает и интерпретирует происходящее. Люди, как правило, не видят того, чего не ожидают увидеть. Так что могут быть заранее созданы и заложены ситуации («социальные и индивидуальные автоматы»), предусматривающие стандартные решения объектов воздействия и способны изменять векторы желаний, их силу и направленность. И здесь необходимо различать три аспекта изменений социальных технологий осуществления информационных воздействий: технико-технологический (инструментальные средства решения задач), социально-институциональный (совершенствование институциональной сферы общества) и культурно-ценностный (народные традиции, исторический опыт, социальное наследие) – и череду уровней (см., например, [28, 98]). Соответственно, подготовка к информационному воздействию предполагает определение средств оптимальной трансформации.

Существенным фактором трансформации ресурсной базы информационного взаимодействия также становится и то обстоятельство, что активизация действия украинской элиты (как правящей, так и оппозиционной) по вхождению на орбиту европейской структуры ведения бизнеса приводит ныне к очередному усилению действия принятых в Европе норм. Вместе с тем, ассоциация с ЕС – не только результат предшествующих шагов, но и предпосылка

дальнейшего изменения среды ведения бизнеса, в частности – при помощи распространения передовых в глобальном масштабе технологий работы с информацией. Так, по известному разграничению в стратегиях использования информационных ресурсов, умный знает, как победить, применив их, тогда как мудрый – как обеспечить реализацию своих интересов, избежав конфронтации. Для принятия решений «мудрого» уровня, как правило, приоритетно требуется уметь вписывать свои действия в конкретный контекст среды, учитывать и характер более общих трансформаций. Эти обстоятельства повышают заинтересованность бизнеса в информационной поддержке государства [29-32].

Одновременно целый ряд функций, обычно исполняемых в информационном взаимодействии государственными органами, требует активного участия коммерческого и некоммерческого негосударственных секторов, а некоторые прочие предполагают привлечение их представителей. Тем самым создается основа для стратегического партнерства представителей разных секторов хозяйствования в осуществлении информационного обмена [33-36].

Повышение информационной открытости требует постоянного проведения комплекса дополнительных мер для обеспечения равноправного участия в конкуренции, осуществления успешного (равноценного) информационного обмена. Так, грамотное противодействие закреплению контрпродуктивной неэквивалентности взаимодействия становится важнейшим направлением бизнес-разведки. Вместе с тем, обеспечение прозрачности бизнеса может и улучшить репутацию, и поставить под угрозу информационные активы, активизировать против себя средства из арсенала недобросовестной конкуренции [37-45].

Характерный сегодняшнему уровню хозяйственного строительства акцент на информационном мотиве вынуждает организационные структуры учитывать особенности информационных потоков, приспособляться к ним. В частности, все более заметной составляющей частью информационного ресурса выступает рост числа операций концентрической и конгломератной интеграции подразделений непрямой подчиненности, однако входящих в сферу влияния и/или стратегического партнерства (например, за счет единства целей, проектов и т.д.) [46, 39].

Соответственно, меняется и исторический тип социального управления. Причем в нынешних хозяйственных условиях быть успешным глобальным конкурентом значит найти для себя адекватную своим конкретным особенностям нишу. А это возможно и

для небольших структур, и для «аутсайдеров» (содержание этого термина тоже меняется, различные пути могут вести к необходимому результату, отсутствует обязательность следования канонам «вестернизации»). Конечно, в странах, организованных в экономическом и политическом плане определенным образом, достигают некоторых целей развития конкретного человека и нации в целом успешнее, чем в иных. Но время корректирует привычные представления. Например, фактор экономии на масштабах производства в соответствии с наиболее распространенными типовыми моделями перестает быть определяющим.

В свою очередь девелоперская практика означает и расширение распространения информационных составляющих организационно-управленческих схем на новые перспективные участки хозяйственной активности. Глобальное позиционирование путем усиления позиций своего бренда позволяет обеспечить его стратегическое распространение. Причем ресурсная база и модели действий в рамках бизнес-разведки (деловой разведки) позволяют осуществлять комплекс мер как более консервативных, так и более агрессивных, ориентированных на получение-удержание нужной информации, внедрение-уничтожение-локализацию распространения дезинформации, направленность действий является преимущественно внутренней и/или внешней по обеспечению своей безопасности и присутствию на поле контрагента [47-49].

Чтобы успешно конкурировать, необходимо постоянно внедрять инновации и наращивать свои конкурентные преимущества. Их источник хорошо известно – приток и рациональное использование капиталовложений в материальные и нематериальные активы. Изменения в процессах конкуренции и рост давления глобализации делают капиталовложения влиятельным фактором достижения и реализации конкурентного преимущества. В свою очередь, на интенсивность, направления, концентрацию капиталовложений существенно влияют определение границ государственного сектора в экономике, эффективность использования государственной собственности, применение средств государственного регулирования как непрерывный и целенаправленный процесс воздействия на объект управления, функции организованных систем, обеспечение поддержку их структуры и режима деятельности при реализации общественной программы, цели. Уже сейчас следует быть всесторонне готовым к ситуации, когда итоговый вектор трансформаций будет вырабатываться под активным воздействием качественно разнонаправленных глобальных и региональных центров сил и

полюсов влияния, оставаясь сложным и конфликтным, динамичным и труднопредсказуемым. Соответственно, реальностью становится качественное усложнение социальности и структур ее организации, иерархий мотивов и стимулов, в том числе – имеющих отношение как к хозяйственным процессам, так и к политике, а также конвертации различных форм власти (экономической, политической, идеологической, etc.) друг в друга. Однако можно быть малой величиной, но четко выделять и последовательно преследовать свои интересы в мире сверхбольших величин, а можно – достаточно крупной и потенциально серьезной единицей без достаточных интеллекта и действий, без понимания и воплощения задач своей защиты и развития.

А для создания чувства психологического комфорта исключительно при условии разделения нужных стереотипов, нахождения на нужном уровне восприятия («в контексте») создается необходимое информативное поле, проводится психологическая настройка. Для этого, в частности, корректируются информационные влияния глобальных и региональных СМИ под давлением: экономическим, идеологическим, внутри- и внешнеполитическим, а также ресурсами положительной мотивации, при помощи влияния посредством горизонтальной инфраструктуры и сообщества, воздействия разнообразных государственных служб, продвижение журналистов с желаемыми личными взглядами и т.п. Существенно в этом контексте, что значимая социокультурная специфичность может быть присуща не только вещному, но и рефлексивному сознанию и иметь основу в подсознании (что, в частности повышает роль мифического уровня обеспечения информационных воздействий благодаря освещению содержания констант подсознания и возможностям трансформации мировосприятия). Вместе опора на ведущие системные символы позволяет не только закрепить информацию в подсознании человека, но и соответствующим образом окрасить ее. В свою очередь это создает нужную установку, перестраивает под себя все другие сведения, и закрепляет нужным образом их интерпретацию.

При этом время ускоренной (форсированной) модернизации, как правило, предполагает умение осуществлять масштабный маневр собственными силами, которому (на определенном этапе) может мешать слишком высокая степень открытости внешним процессам. Нынешний разрыв в уровнях развития доминирующих и отстающих таков, что шансы последних сводятся к получению статуса обслуживающей экономики. Вместе с тем, для некоторых элементов

хозяйственной структуры именно закрытость и является фактором фиксации отсталости. Баланс «открытости» и «закрытости», возможностей (пост)рыночного механизма и государственного воздействия предусматривает формы сочетания энергии частного труда и предпринимательства с гибким государственным регулированием. Настройки государственного управления еще раз напоминает о наличии трех главных измерений: обеспечения индивидуальных и прав человека, подъема социально-экономического благосостояния и политического сознания. Эти направления взаимосвязаны, при этом, например, высокий уровень вложений в образование и профессиональную подготовку, науку, здравоохранение и социальное обеспечение работников – неотъемлемая черта превращения человеческого потенциала в человеческий фактор, а также его расширенное воспроизводство. Сейчас вовсе не формальные конструкты, а качество жизни и возможности творчества определяют показатели прогресса страны, а новые горизонты развития открываются тем государствам, в которых общественное устройство максимально способствует реализации творческого потенциала граждан. Вместе с тем, только способные к сознательному критическому осмыслению действительности личности могут успешно противостоять шаблонам и стереотипам глобальных СМИ, натиску внешних для цивилизации техноструктур.

Таким образом, уже история появления и характер информации создают предпосылки для асимметричности ее использования: и в простейшем товарообмене продавец знает о своем товаре, как правило, гораздо больше покупателя. При этом контрагент информационного взаимодействия лишен возможности адекватного ответа. Еще более отчетливо это заметно в информационном противостоянии с использованием, например, инструментария распространения слухов, утечки информации. Например, резкое увеличение информационных нагрузок может вызвать информационное насыщение и эмоциональную перегрузку, на фоне которых обесценится и поистине важное сообщение. Создание обстановки напряженного ожидания определенного хода событий приводит к оценкам любых последующих реальных событий с позиций сравнения относительно этого ожидаемого сценария. Изменение масштаба происходящего (вплоть до замалчивания существенного и раздувания роли мелкого события) эффективно позволяет переключать индивидуальное и социальное внимание. Причем эта асимметричность воздействия информационного простора действует как на индивидуальном, так и на социальном уровне, а особенностью т.н. информационной эры

является ее все более активная роль в социетальном масштабе, что вынуждает к адекватной коррекции социально-экономических реформ.

Дальнейший анализ темы статьи связан с изучением особенностей постсовременных информационных потоков и международной компаративистики (международных сравнений) в сфере создания условий развития информационной инфраструктуры постсовременного типа.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Келле В. Ж.* Культура истории. Методологические заметки // Новая и новейшая история. – 2006. – № 1. – С. 23-32.
2. *Каган М. С.* Философия культуры. – СПб. : Петрополис, 1996. – 416 с.
3. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. – М. : Политиздат, 1990. – 661 с.
4. *Лосев А. Ф.* Мифология // Философская энциклопедия. – Т. 3. – М. : Государственное научное издательство «Советская энциклопедия». – 1964. – 588 с.
5. *Кессиди Ф. Х.* От мифа к логосу. Становление греческой философии. – 2-е изд., испр. и расширенное. – СПб. : Алетейя, 2003. – 316 с.
6. *Егоров И. А.* Логика экономического процесса: социоэкономический синтез // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 4. – С. 27–36.
7. *Репина Л. П.* Интеллектуальная история на рубеже XX-XXI веков // Новая и новейшая история. – 2006. – № 1. – С. 12-22.
8. *Алексеев В. П.* Историческая антропология и этногенез. – М. : Наука, 1989. – 445 с.
9. *Перкинс Д.* Исповедь экономического убийцы. – М. : Pretext, 2005. – 319 с.
10. *Kurth J.* Toward the Postmodern World // *Dialogie*. – 1993. – № 2. – P. 8-13.
11. *Шишков Ю. В.* Международное разделение производственного процесса меняет облик мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 10. – С. 15-25.
12. *Шедяков В.* Трансформации конкурентоспособности системы хозяйствования под влиянием изменений в международном разделении труда // *Экономика Украины*. – 2012. – № 7. – С. 26-35.
13. *Шедяков В.* Навіщо нам враховувати світові тенденції до формування економіки знань. [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://ua-economist.com/3224-navscho-nam-vrahovuvati-svtov-tendencyi-do-formuvannya-ekonomki-znan.html>.
14. *Шеллинг Т.* Стратегия конфликта. – М. : ИРИСЭН, 2007. – 366 с.
15. Конкурентная разведка: Уроки из окопов / [под ред. Дж.Е. Прескотта, С.Х. Миллера]. – М. : Альпина Паблишер, 2003. – 336 с.

16. Боган К. Бизнес-разведка. Внедрение передовых технологий / К. Боган, М. Инглиш. – М. : Вершина, 2006. – 358 с.
17. *Нежданов И. Ю.* Технологии разведки для бизнеса. – М. : Ось-89, 2009. – 400 с.
18. *Доронин А. И.* Бизнес-разведка. – М. : Ось-89, 2002. – 288 с.
19. *Лемке Г. С.* Секреты коммерческой разведки. – М. : Ось-89, 2011. – 416 с.
20. *Роговский Е. А.* Геопространственная разведка США // США * Канада: экономика – политика – культура. – 2004. – № 8. – С. 116-127.
21. *Шедяков В. С.* Інформаційне забезпечення конкурентоспроможності країни в контексті розвитку бюджетної системи // Економіст. – 2013. – № 7 (321). – С. 10-15.
22. *Шедяков В. С.* Развитие научовой рефлексії в умовах поширення Інтернет-простору // Соціальна психологія. – 2012. – № 3 (53). – С. 21-32.
23. *Шедяков В. С.* Міфічність розвитку contra використання міфу з метою розвитку // Мультиверсум. – 2013. – № 3 (121). – С. 21-30.
24. *Шедяков В. С.* Використання міфологічних конструкцій в інформаційному впливі: можливості та обмеження // Політологічний вісник. – 2012. – Вип. 65. – С. 422-433.
25. *Шедяков В. Е.* Актуализация ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира как условие успешного участия в стратегической конкуренции // Государство и общество в современной политике: Сборник статей. Выпуск 1. – Воронеж : Научная книга, 2013. – С. 158-168.
26. *Шедяков В. Е.* Специфика формирования и использования мифа в системе социальной регуляции // Публичное управление: теория и практика. Сб. научн. работ. – 2013. – Спецвыпуск. – С. 263-272.
27. *Шедяков В. Е.* Миф постсовременности: препятствие или помощь развитию общества? // Эффективность функционирования и развития региона как социально-экономической системы: модернизация подходов, методов, инструментов управления: Материалы Междунар. заочн. научно-практ. конф. – Пермь, 2013. – С. 539-549.
28. *Акофф Р.* Планирование будущего корпорации. – М. : Прогресс, 1985. – 327 с.
29. *Семин Н. Л.* Спецслужбы и крупный бизнес США // Россия и Америка в XXI веке / Н.Л. Семин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/vprint/57353>.
30. *Плэтт В.* Стратегическая разведка. – М. : Инфра-М, 1997. – 376 с.
31. *Тобольский А.* Экспансия иностранного шпионажа. Угроза модернизации России. – М. : Вече, 2011. – 496 с.
32. *Шедяков В. С.* Регулювання інформаційних відносин в комплексі засобів модернізації соціально-інформаційних систем // Сучасні

- інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2012. – № 2 (14). – С. 101-105.
33. *Заруба О.* Розвідувальні служби в системі державної влади // Політичний менеджмент. – 2011. – № 1 (46). – С. 25-33.
  34. *Постоловський С.* Конкурентно-інформаційна розвідка: симбіоз держави та національного бізнесу. Приклади для України // Сучасна українська політика. – 2012. – Вип. 26. – С. 193-203
  35. *Шедяков В. Є.* Ресурсний потенціал методології: пар в соціальному просторі // Розбудова іміджу інститутів сектору безпеки України: *viribus unitis* / Колект. монографія. – К.; Женева; Луганськ : Янтар, 2013. – С. 76-117.
  36. *Переслегин С.* Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. – М. : АСТ: АСТ-МОСКВА; СПб. : Terra Fantastica, 2009. – 701 с.
  37. *Мошелла Д.* Бизнес-перспективы информационных технологий: Как заказчик определяет контуры технологического роста. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2004. – 252 с.
  38. *Шедяков В. Є.* Стратегічна конкуренція макрорегіонів і стимулювання бажаних трансформацій // Віче. – 2012. – № 22 (331). – С. 30-32.
  39. *Гаджиев К. С.* Имидж как инструмент культурной гегемони // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 12. – С. 3-14.
  40. *Дубас О. П.* Теорія і практика формування іміджу країни / О.П. Дубас // Політологічний вісник. Зб-к наук. праць. – К. : ІНТАС, 2011. – Вип. 54. – С. 380-386.
  41. *Прохоренко А.* Брендинг страны: что превращает государство в торговую марку? // PR в России. – 2009. – № 5 (105). – С. 20-23.
  42. *Тихомирова Є. Б.* PR-формування відкритого суспільства. – К. : Наша культура і наука, 2003. – 197 с.
  43. *Гусаковський А.* PR как социальный психодизайн // PR менеджер. – 2008. – № 8. – С. 20-25.
  44. *Богуш Д.* Внутрикорпоративный PR – как это делается // Бизнес. – 06.10.03. – С. 86-87.
  45. *Сагал А.* Как бороться со слухами // Бизнес. – 17/25.04.05. – С. 82-83.
  46. *Ступницкий А.* Информационные технологии и корпоративное управление в XXI в. // Экономика Украины. – 2005. – № 2. – С. 38-46.
  47. *Аничкина Т. Б.* О некоторых приемах «информационной войны» США // США, Канада: экономика – политика – культура. – 2007. – № 7. – С. 123-127.
  48. *Петров В. К.* От информационной войны к управляемой конфронтации и сотрудничеству. [Электронный ресурс] / В.К. Петров, И.И. Рабинович // Факт. – 2001. – № 9. – Режим доступа : <http://www/fact/ru/www/archiv8s7/htm>.

49. Денисов А. А. Краткий очерк основ управляемой конфронтации / А. А. Денисов, Е. В. Денисова // Информационные войны. – 2014. – № 1 (29). – С. 24 – 33.

Шедьяков В. Е. Информационное взаимодействие в контексте логики процессов социогенеза.

Статья содержит анализ социального контекста и характера информационного взаимодействия. Установлено, что социальные детерминации информационных отношений создаются логикой изменения комплекса внешних и внутренних процессов, в частности социокультурных трансформаций. На основе исследования выделены и рассмотрены взаимодействия между логикой процессов социогенеза и развитием информационных отношений, более-менее открытыми и закрытыми социокультурными системами, более-менее агрессивным и консервативным их поведением, перенапряжением и циклами трансформации, а также экономической и социокультурной организациями информационных отношений и различными видами управления. Изучение сложных процессов постмодернизации социокультурных отношений дало возможность создания перспективных моделей развития социального управления и выработки предложений по коррекции социальных и экономических реформ.

Ключевые слова: социогенез, информация, информационное взаимодействие.

Shedyakov V. E. Information interaction in the context of sociogenesis processes' logic.

The article contains analysis of the social context and character of information interaction. It was stated that social determinations of information relations were created by complex of domestic and international socio-cultural processes, in particular, sociocultural transformations. Based on the research undertaken, interactions between logic of processes of sociogenesis and information relations relations, more-less aggressive and conservative by their behavior, over-voltage and cycles of transformation, economic and socio-cultural organizations of information relations and different kinds of management were distinguished and considered. Investigation of complex processes during postmodernization of sociocultural relations enabled to design the forecast models of social management development and to create proposals for the social and economic reforms correction.

Keywords: sociogenesis, information, information interaction.